

А. Н. Веселовский

**Разыскания в области
русских духовных стихов**

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Разыскания в области русских духовных стихов: Выпуск 1 / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 252 с.

ISBN 978-5-518-06228-3

ISBN 978-5-518-06228-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«человѣка сановника копіе на люди имуща и оружіе имуща въ рудѣ своен на обѣ страны остро и другое за собою; опоясався и первое нападе на мя и абіе избоде мя и мышца не остави». Царь спрашиваетъ своихъ князей: не видалъ ли кто того человека; тѣ отвѣкваются. Увидѣвъ, что царь опечаленъ и огорченъ такимъ отвѣтомъ, Феодоръ самъ рѣшается ѣхать на поиски. Ѣдетъ «сквозь языки незнаемы, пѣе закона не знаютъ», и наконецъ находитъ въ Сприн, въ пещерѣ, прикрытой вѣтвями, нѣсколько сарацннъ, мушкннъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ, связавъ, приводитъ въ рилскую землю. Въ числѣ плѣнниковъ царь находитъ и того «сановника», который поразилъ его во снѣ; велитъ казнить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, иныхъ заточить, а отроковъ и женъ отдать въ рабство.

Этотъ первый эпизодъ апокрифа можно назвать *походкой Феодора противъ Сарацинъ*; человекъ, представшій царю въ сновидѣніи, ихъ сановникъ; греческій текстъ даетъ ему ближайшее опредѣленіе: ἀραλῆς, что означаетъ *царя*.—Въ русскомъ стихѣ Сарацины и ихъ царь замѣнены царемъ Іудейскимъ, силой жидовской; потому-ли что въ разсказѣ о борьбѣ христіанъ съ нѣвѣрными жидовская сила являлась болѣе понятнымъ терминномъ для выраженія врага христіанскаго имени? Въ такомъ толкованіи позволено усумниться потому именно, что русский былевой эпосъ излюбилъ для выраженія такого общаго понятія другую этнографическую особь: Татаръ. Не отнести ли созданіе стиха, или лучше, первую народную переработку апокрифа, къ временамъ, когда еще жива была память о жидовской силѣ, какъ дѣйствительно враждебной для Руси? Въ богатырѣ «жидовинѣ» русскихъ былинъ, съ которымъ борются Илья и Добрыня, уже другіе усматривали представителя древней Хазаріи.

Дальнѣйшая разработка апокрифическаго разсказа въ народномъ стихѣ вызываетъ разнообразныя вопросы, и лишь предположительныя отвѣты на многіе изъ нихъ. Можно вообще говорить о приемахъ народнаго творчества, по которымъ оно претворило данное литературное содержаніе; но возможнымъ

представляется в прямое воздѣйствіе уже сложившихся бытійъ на тотъ или другой эпизодъ стиха.

Русскій народный эпосъ не обнаруживаетъ особой любви къ мотиву «сновидѣнія». Этотъ можно объяснить, что сновидѣніе апокрифической легенды разработано въ русскомъ стихѣ, какъ дѣйствительно случившееся: тамъ сарацинскій властитель угрожаетъ во снѣ царю, поднимая на него оружіе; здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительномъ нападеніи, и оружіе обращается въ стрѣлу, пушенную въ христіанскій городъ со словами вызова.

Царь Константинъ Самойловичъ (или Саулловичъ вм. Самуиловичъ) молится у заутрени, когда къ городу подступилъ царь Юдейскій съ силой Жидовскою.

Прилетала каленѣ стрѣла,
 На стрѣлѣ было подписано:
 •Царь Константинъ Самойловичъ!
 •Отдай градъ ты охотою:
 •Не отдашь градъ охотою,
 •Мы возьмемъ градъ мы неволею»

(Безсоновъ Кал. I № 122 и варианты къ № 125.)

Царь вызываетъ своихъ князей-бояръ:

А вы ой еси, князья-бояре,
 Гости богатые, люди почестныя!
 Кому ѣхать супротивъ мово недруга,
 Кому ѣхать супротивъ царя Юдейскаго,
 Супротивъ его силы Жидовскія?

(ib. № 124; сл. № 122, 125 и варианты.)

Всѣ отмалчиваются; вызывается одинъ Феодоръ.

Когда грозное сновидѣніе обратилось въ вражеское нашествіе, поѣздка за вражьимъ сарациномъ стала битвой, казнь плѣнныхъ—побіеніемъ жидовской силы, съ которой долго сражается Феодоръ,

Ни пиваючи ни ядаючи,
 Сы стримѣнь ногъ не вымаючи,
 Съ добра коня не слѣзаючи,
 Побиваетъ силу Жидовскую.
 Топитъ яво кровь Жидовская,
 Ожа по колѣна и по поясъ,
 По его груди бѣлыя.
 Онъ ударитъ копьемъ во сыру землю:
 «Мать сыра земля, хлѣбородница!
 «Разступиси на четыре на стороны».
 Разступилась мать сыра земли
 На четыре на стороны,
 Пожпирала кровь Жидовскую.

(ib. № 124; сл. 122, 125 и варьянтъ.)

Источники этой эпической амплификации ясны. Во второмъ эпизодѣ апокрифа, повѣствующемъ о битвѣ Θεодора съ змѣемъ, Θεодоръ, побѣдивъ его, оказывается замкнутымъ въ вертепѣ чудовища, задерживавшаго воду. По молитвѣ угодника Господь посылаетъ къ нему архангела «и пропусти *воду* тещи первымъ путемъ . . . и пзыде вода *яко рѣка велика*» (καὶ ἐξῆλθεν τὸ ὕδωρ ὡσεὶ πταρὸς μέγας). Великая рѣка вызвала образъ *потона*; сближеніе перваго (битва съ жидовской силой) и втораго эпизода (битва съ змѣемъ) стиха объясняетъ тождественность образовъ: Θεодора *топитъ* кровь жидовской рати, имъ побитой, а съ другой стороны «рѣка велика» апокрифа обращается въ нѣ-которыя редакціяхъ стиха въ *кровавый потонъ*:

Потопляетъ кровь змѣиная,
 И доброму молодцу по бѣлу грудь;
 Опъ воткнулъ копьѣ въ сырѹ землю,
 Опъ раскрылъ книгу Евангеля
 Во зрыданьяхъ слова не вымозвить,
 Во слезахъ слова не обозреть:

«О Господи да Спась милосливый!

«Разступися, мать сыра земля,

«На четыре на стѣроны,

«Прожри кровь змишную,

«Не давай намъ погябнути

«Во кровѣ во змишныя».

По его умоленію,

По святому упрошенію,

Разступилась сыра земля

На четыре на стѣроны

Прожирала кровь змишную.

(ib. № 122; сл. 121, 123, 124 и варьянтъ къ № 125.)

Въ греческомъ чудѣ царь обращается къ Θεодору съ воззваніемъ: *τέχου*, которое понято вообще, какъ естественное обращеніе старшаго къ младшему. Русскіе пересказы не только передаютъ *τέχου* словомъ «чадо», но и понимаютъ его реально: о Θεодорѣ говорится: и прѣватъ молитву отъ *отца*. Народному стику оставалось лишь развить эти черты подробнѣе: Θεодоръ могъ прямо явиться въ немъ *сыномъ* царя, малолѣтнимъ, что объясняетъ съ своей стороны предостереженіе отца юному богатырю, напрашивавшемуся на трудный подвигъ. Когда на вызовъ царя, кто хочетъ выйти супротивникомъ жидовской силы, «никто не выбирается», и «старый прячется за матыши»,

Выходило его чадо милое,

Младъ человекъ Θεдоръ Тирпиновъ,

И возговорить таково слово:

«Государь ты мой *батишко*,

Царь Костянтинь Саулзовичъ!

Дай ты мнѣ свое великое благословленіе,

Дай ты мнѣ збрую ратную

И вострю копьё булатное,

Дай добра коня неѣзжалаго,

Съделечко новое неслаживалое:
 Я поѣду супротивъ царя Иудейскаго,
 Супротивъ его силы Жидовскія.
 Царь Костянтинъ Саулловичъ
 И возгóворить таково слово:
 «Ой ты еси, чадо милое,
 Младъ человекъ Ѳѣдоръ Тиринъ!
 Малыиъ ты малѣшенекъ,
 И разумомъ тупѣшенекъ,
И отъ роду тебѣ двѣнадцать лѣтъ;
 На бояхъ ты не бывывалъ,
 Крoвавѣхъ ранъ не видывалъ,
 На добрѣ конѣ не спживалъ,
 Збруей ратной не владывалъ».

(ib. № 125 в варьянтъ; сл. № 124, 122.)

Въ греческомъ апокрифѣ и въ его русскихъ передачахъ съ такой-же мольбой обращается царь къ Θεодору, готовящемуся выйти на бой съ змѣемъ: «о чадо Θεодоре, его же не можеша творити не помысли творити». Въ экономіи народнаго стиха, представшаго Θεодора малолѣткомъ, является вполне естественнымъ, что предостереженіе отца сыну перенесено было съ второго подвига юнаго богатыря на его первую поѣзду.

Такъ переработалось въ народномъ стихѣ содержаніе первой части греческаго апокрифа. Совершилась-ли эта переработка самостоятельно, не опираясь на опредѣленные поэтическіе образцы, черпая свои образы и подробности, отличающія ее отъ книжной легенды, изъ *общихъ* мѣстъ народной пѣсни? Вопросъ этотъ усложняется — существованіемъ русскихъ былинъ съ такимъ же планомъ и развитіемъ, какіе мы склонны были-бы имѣнить замышленію автора стиха. Михайло Даниловичъ и Ермакъ — такіе-же двѣнадцатилѣткі, какъ Θεодоръ, также выступаютъ на сцену, когда вражье войско подошло къ Киеву, требуя поедин-

щика; какъ царь стиха, такъ и здѣсь Владиміръ обращается за помощью къ князьямъ, боярамъ, поленицамъ; богатыри медлятъ или отпѣкиваются; вызывается Михайло.

А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
 «Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!
 А в ростомъ-то видь ты же есь глупѣшенекъ
 Да в разумомъ-то ты же ешь малѣшенекъ;
 Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ».
 (Кирѣевск. вып. 3, стр. 45 № 2.)

На большихъ бояхъ не бывавалъ,
 Страстей-ужастей ты не выдывалъ

(ib. стр. 40 № 1.)

Также напрашивается на подвигъ и слышитъ такую-же отповѣдь отъ Владиміра — молодой двѣнадцатилѣтній Ермакъ, являющійся въ одной редакціи былины (№ 92 Гильф.) даже племянникомъ Владиміра, какъ Θεодоръ представляется намъ сыномъ царя ¹⁾.

Аналогию, подобныя указаннымъ, могутъ повести къ заключенію, что авторъ духовнаго стиха, понявъ реально отношенія царя къ Θεодору легенды, какъ отца къ сыну, разработалъ далѣе содержаніе апокрифическаго разсказа по мотивамъ былины о богатырѣ малолѣткѣ. Мы высказываемъ лишь предположеніе, такъ какъ взаимныя хронологическія отношенія былины и стиховъ намъ неизвѣстны, и вообще между ними восходятъ, быть можетъ, къ болѣе древнимъ формамъ русскаго эпоса.

Перейдемъ ко второй половинѣ русскаго стиха, которая продолжаетъ идти по стезямъ апокрифа, выбирая изъ него существенныя черты, украшая и вмѣстѣ искажая ихъ по приѣмамъ народной поэтики, но болѣе сохраняя планъ цѣлаго, чѣмъ это замѣчено было нами для первой части.

¹⁾ Былины о Михайлѣ Игнатьевичѣ и Ермакѣ послужатъ намъ предметомъ особаго изслѣдованія.

Теодоръ возвратился съ боевого подвига; его мать ведетъ его коня на водопой и похищена змѣемъ. Въ апокрифѣ Теодора извѣщаютъ о томъ рабы; въ стихѣ: слуги вѣрные (№ 125), два ангела (№ 122), либо его добрый конь (№ 123 и вариантъ къ № 125). Теодоръ сѣтуетъ, снаряжается на новый бой; въ апокрифѣ царь пытается остановить его, и мы видѣли, что русскій стихъ распорядился этимъ эпизодомъ иначе, помѣстивъ его передъ первымъ подвигомъ юнаго богатыря. Можетъ быть, такое же новое приуроченіе слѣдуетъ допустить и для слѣдующихъ подробностей отреченнаго чуда: отвѣчая царю, Теодоръ обнаруживаетъ неуклонную рѣшимость спасти мать; греческій текстъ заставляетъ его помпнать о мукахъ и печаляхъ, которыя она повесила за него при *рожденіи*, о томъ, что она его вскормила своею грудью и ему достоитъ успокоить ее на склонѣ дней. Русскіе пересказы опустили эти черты, но они сходятся съ греческимъ въ томъ, что въ отвѣди Теодора царю помѣщаютъ такую его просьбу: въ первую субботу поста сотвори память мою! Всѣ эти мотивы разработаны русскимъ стихомъ въ иной связи. Когда Теодоръ освободилъ мать отъ змѣя,

Онъ сталъ её крѣпко спрашивать:

«Охъ ой есп, роднѣ матушка!

Будетъ ли мое похождение

Супротивъ твоего рожденія?»

— Охъ ты мое чадо милое!

— Не будетъ твое похождение

— Супротивъ моего рожденія. — (№ 121.)

иначе:

Какъ твое-то похождение

Наппаче моего порожденія (вариантъ къ № 125.)

Точно также помѣстилась въ самомъ концѣ стиха просьба Теодора о совершеніи ему памяти въ первую субботу великаго поста:

О родимый ты мой батюшка,
 Царь Константинъ Самойловичъ!
 Не звоните въ колокола благовѣстные,
 Не служите вы молебны мѣстные:
 Помните вы, православные,
 Перву недѣлю великаго поста.
 Кто помѣеть первую недѣлю великаго поста,
 Того имя будетъ написано у самаго Господа
 Во животныхъ книгахъ.

(№ 122; см. № 124, 125 и вариантъ.)

Особенность русскаго народнаго пересказа составляетъ эпизодъ о Китъ-рыбѣ (Кятъ. Титъ, Кетръ). Мы видѣли выше, какъ толкуеть г. Кирпичниковъ появленіе этого имени; *китъ* отъ *киты* апокрифа. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе: въ молитвѣ передъ битвой съ змѣемъ, особенно подробно развитой въ греческомъ текстѣ, Θεодоръ упоминаетъ и о пророкѣ Іонѣ, пожравшемъ *китомъ* и изведенномъ изъ его чрева Божьей помощью. Образъ былъ данъ; дальѣйшее развитіе его въ стихѣ объясняется замѣной кладезя, озера, которое по апокрифу находится во власти змѣя, образомъ снѣга моря: къ снѣгу морю (или къ Дунаю) ведетъ путь коня мать Θεодора, изъ за моря налетаетъ на нее змѣй; освободителю приходится идти за море, и народная фантазія приготовила ему чудовищный мостъ, кита, какъ въ сказкѣ о Марѣ Богатомъ (Аванасевъ № 173) такой-же китъ лежитъ черезъ все море, а по немъ, какъ по мосту, переправляются и конные и пѣшіе.

Слѣдуетъ замѣтить, что духовный стихъ ничего не знаетъ о «залеганіи» змѣемъ воды или источника, оттого онъ не могъ воспользоваться той чертой апокрифа, что по умерщвленіи змѣя вода потекла первымъ путемъ, *яко рѣка велика*. Мы видѣли, что русскій стихъ обратилъ ее въ кровавый потопъ; стиху-же принадлежитъ подробность, что Θεодоръ выноситъ свою мать на голубѣ, на теменѣ.

И въ апокрифѣ и въ стихѣ Теодоръ побиваетъ сначала малыхъ змѣевъ; «змѣяже великѣи не бяше ту, но въ тее поры на поли ловы деюще . . . и принесъ два отрока и .г. еленя»; отроковъ для того, чтобы было съ кѣмъ бесѣдовать похищенной красавицѣ, поясняетъ греческій текстъ. Слѣдуетъ и въ стихѣ и въ книжномъ чудѣ битва съ великимъ змѣемъ. Интересно, какъ распорядился русской стихъ съ эпизодомъ объ отрокахъ—юношахъ. Въ глубокихъ пещерахъ Теодоръ увидѣлъ свою мать,

Сосуть ее двое юноши,
Двое юноши, двое змѣятушки (№ 121)

или просто двѣнадцать змѣенышей (№ 122), которыхъ Теодоръ и убиваетъ, тогда какъ въ апокрифѣ онъ возвращается съ побѣды «съ матерію своею и со двѣма юношма». Эти юноши не связываютъ-ли нашъ духовный стихъ съ первообразомъ русскихъ книжныхъ пересказовъ чуда?

Стихъ кончается, какъ мы видѣли, извѣстнымъ пожеланіемъ Теодора о чествованіи его на первой недѣлѣ поста.—Иначе апокрифъ: царь радуется побѣдѣ Теодора «и постави его въ первомъ сану». Когда тотъ царь умеръ, Теодоръ переходитъ въ другой городъ, не названный въ греческомъ текстѣ, въ русскомъ обозначенный именемъ: Пенти Ирахлія, т. е. Гераклея. Здѣсь при Ликинѣ царѣ усѣкновенъ былъ Теодоръ, говорятъ русскіе пересказы чуда «свѣтаго Теодора *Тирюна*», обличая тѣмъ самымъ его смѣшеніе съ Теодоромъ Стратилатомъ, пострадавшимъ при Ликинѣ и именно въ Гераклеѣ, тогда какъ св. Теодоръ Тиронъ пострадалъ при Максиміанѣ. Такъ и названъ царь-мучитель греческаго чуда.

Подобное-же колебаніе обнаруживается и при имени царя, при которомъ совершились богатырскіе подвиги Теодора, и въ географической обстановкѣ легенды. Въ двухъ извѣстныхъ намъ русскихъ спискахъ XVI вѣка имя царя — Уалентъ (въ спискѣ XVII в.: Василій): царствуетъ очь въ афунѣстѣмъ, афунѣстѣмъ

или-же аопыстѣмъ (рпк. XVII в.) градѣ; Феодоръ живеть въ Андриокія. Если разумѣется Андриокія нашей лѣтописи, Ἀδριακὴ εἰς ἧς τὸ Ἀδριακὸν πελάγος; (Хрон. Георгія Амартола, изд. Муральта, стр. 40), то мѣсто дѣйствія, обозначенное такимъ образомъ въ первыхъ строкахъ, перенесено на западъ, въ противорѣчїи съ дальнѣйшею географіею чуда. Нѣтъ-ли здѣсь попытки вѣшняго приуроченія, вызванной какою-нибудь мѣстными отношеніями? Почитаніе св. Феодора въ Венеціи восходитъ въ глубокую древность; съ XIII вѣка его мощи покоятся въ городѣ, считающемъ его своимъ покровителемъ.

Русскій стихъ не даетъ указаній на географію своего источника: его Иерусалимъ или Константиновъ градъ такъ-же чередуются въ пересказахъ и такъ-же неопредѣленно-типичны, какъ и въ былинахъ.— Другое дѣло греческій текстъ: его кругозоръ опредѣленно-восточный; городъ не названъ, Феодоръ подвизается при *благочинномъ царѣ Самуилѣ*. Съ точки зрѣнія русскаго духовнаго стиха Феодоръ былъ бы сыномъ этого Самуила.

Русскія былины знаютъ про царя Самуила, хотя искажаютъ его имя по приемамъ, знакомымъ намъ изъ стиха о Феодорѣ: какъ отецъ его прозывается то *Самойловичъ*, то Саулловичъ (т. е. Самуловичъ), такъ въ былинахъ (Кирѣевскій, Пѣсн. вып. 3 стр. 113 — 124, № 1 и 2) *Самуилъ* является искаженнымъ въ *Самилъ* и Сауръ: его звать по отчеству Левандовичъ; можетъ быть: сынъ Леона, Льва? Онъ царитъ въ царствѣ Алыберскомъ — или Астраханскомъ; отправляется въ долгій путь «въ дальню орду, въ Половецку землю», либо подъ три царства: Латинское, Литвянское и Сарочинское. По одной редакціи былины (Кир. 1. с. № 1) Сарацины берутъ его въ плѣнъ, садаютъ въ земляную тюрьму. Въ его отсутствіи его жена родитъ ему сына, юнаго богатыря, который на девятомъ или десятомъ году выѣзжаетъ искать отца и совершаетъ геройскіе подвиги въ Сарочинской землѣ. Имя ему въ одномъ пересказѣ былины: Константинушка Сауловичъ, и Константиномъ же Саулловичемъ или Самойловичемъ названъ въ